

О.Е. Гевель

Сибирский федеральный университет, Красноярск

**Кавказ Л.Н. Толстого:
восточные истоки и параллели
образа Федора Долохова**

Аннотация: На материале дневников, писем и произведений Л.Н. Толстого, относящихся к кавказскому периоду его жизни, выявляются истоки образов Ф. Долохова и типологически связанных с ним героев, образующих «долоховскую» характерологическую линию в творчестве писателя.

On the basis of Tolstoy's diaries, letters and works, which refer to the Caucasian period of his life and activity, the origin of Dolokhov as a character are traced. Along with the symbolic characteristics of this personage of «War and Peace» the whole paradigm of characters related with him is reconstructed.

Ключевые слова: творчество Л.Н. Толстого, художественный образ, ориентализм в литературе, письма, дневники.

Leo Tolstoy's prose, literary image, orientalism in literature, letters, diaries.

УДК: 82-31

Контактная информация: Красноярск, пр. Свободный 82а. СФУ, кафедра русской и зарубежной литературы. Тел. (391) 2062647. E-mail: olyagevel@mail.ru.

18 августа 1852 года на Кавказе молодой Толстой записал в дневнике: «Вот четыре правила, которыми руководствуются люди: 1) Жить для своего счастья. 2) Жить для своего счастья, делая как можно меньше зла другим. 3) Делать для других то, что желал бы, чтобы другие делали для меня. 4) Жить для счастья других. Целый день был на службе или с братом и офицерами. План романа начинает обозначаться» [Толстой, 1928–1958, т. 46, с. 139]. Именно здесь – в классическом для русской литературы хронотопе романтизма – впервые в творчестве Толстого появляется группа мотивов, обретающих потом свое завершение в образе Федора Долохова, чья характерологическая доминанта ярко отражает первое из правил: «жить для своего счастья». Данная запись в дневнике относится к периоду обдумывания Толстым «Кзаков» – произведения, которое в итоге стало толстовским манифестом анти-романтизма, попыткой рассказать правду о *его* Кавказе¹. Однако, романтической составляющей удалось вполне гармонично вписаться в некоторые части толстовской художественной системы, в том числе, в рассматриваемый нами образ.

Федор Долохов в контексте всего творчества Л.Н. Толстого – образ яркий и неслучайный. Ключевыми слагаемыми его концептосферы являются мотивы отстраненности, отчужденности, инаковости, характерологически соотносящие тип Долохова с такими героями, как князь Андрей, Анна Каренина, Турбин-отец из «Двух гусаров», Хаджи Мурат, и другими толстовскими персонажами. Важная составляющая таких образов – многообразные мотивы, связанные с погранично-

¹С. Лейтон охарактеризовала кавказское творчество Л. Толстого как «бунт против романтизма» [Layton, 1994, p. 233–252].

стью, пороговостью (которая, в свою очередь, логично соотносится с отчужденностью), особенно «пороговые» ситуации «поединка» с судьбой и случаем (карточная игра, дуэль, охота, отчаянные выходки), типологическая связь с мифопоэтическим образом собаки / волка как пограничным образом [Гевель, 2012, с. 8–18].

«Кавказский» период жизни и творчества писателя (момент тоже переломный, «пороговый») послужил импульсом для раздумий над этими особенными чертами человеческой природы. Кавказ и Восток вообще сыграли в становлении Толстого исключительно важную роль, литература на эту тему весьма обширна¹; именно там Толстой осознает себя писателем: «Помните добрая тетенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета – мои занятия, о которых я вам говорю – литературные» [Толстой, 1928–1958, т. 59, с. 119], – признается он 12 ноября 1851 г. в письме к Т.А. Ергольской из Тифлиса.

Далее в письмах к ней Толстой рассказывает о необычной дружбе, завязавшейся на Кавказе между ним и его кунаком чеченцем Садо, который чудесным образом освобождает его от многочисленных карточных долгов (а до этого и сам Толстой спасает наивного Садо от офицеров-шулеров): «Наделать долгов в России, приехать сюда и опять задолжать, меня это приводило в отчаяние. На молитве вечером я горячо молился, чтобы бог помог мне выйти из этого тяжелого положения. Ложась спать, я думал: “ну как же возможно мне помочь? Ничего не может произойти такого, чтобы я смог уплатить долг”. Я представлял себе все неприятности по службе, которые мне предстоят в связи с этим... Сегодня утром я получаю письмо от Николеньки вместе с вашим и другими – он мне пишет: “На днях был у меня Садо, он выиграл у Кноринга твои векселя и привез их мне”» [Там же, с. 150–151]. Так, именно в рамках кавказского хронотопа впервые у Толстого появляется очень важный для Долохова и его характерологических двойников мотив карточного выигрыша или проигрыша, меняющего ход жизни героя. Кавказ также бесповоротно меняет судьбу, открывает новые возможности². Романтическое, роковое появляется в кавказском тексте Толстого еще в ранних повестях: «Набег» (здесь возникает романтический образ офицера Розенкранца, который живет «по Марлинскому и Лермонтову» [Толстой, 1928–1958, т. 3, с. 22]), «Записки маркера» (воспроизведение самой ситуации карточной игры). Свое дальнейшее развитие этот мотив получает в рассказе о спасении Турбиным-отцом молодого Ильина, проигравшего проезжему шулеру казенные деньги («Два гусара»), и наконец, обретает законченный вид в истории о ссоре Николая Ростовым с Долоховым, произошедшей после карточной дуэли, играющей в сюжете обратную – разрушительную – роль.

¹ В рамках работы над Полным собранием сочинений писателя Н.К. Гудзий и Н.Н. Гусев подробно исследовали взаимосвязь творчества Толстого с культурами Востока. Э.Е. Зайденшнур посвятила несколько работ восточному фольклору в творчестве писателя [Зайденшнур, 1960]. Существенный интерес представляет также работа А.И. Шифмана «Толстой и Восток», в которой обобщены сведения о взаимодействии Толстого с восточными культурами [Шифман, 1971]. В книге Сюзан Лейтон о русской литературной рецепции Кавказа [Layton, 1994] содержится немало любопытных наблюдений о роли ориентальных мотивов в толстовском творчестве. Биографы Толстого В.А. Туниманов и А.М. Зверев также уделяют кавказскому периоду жизни и творчества писателя большое внимание [Зверев, Туниманов, 2007].

² У Лермонтова в «Герое нашего времени» Грушницкий комментирует эту особенность кавказского пространства в диалоге с княжной Мери: Грушницкий замечает:

– И вы целую жизнь хотите остаться на Кавказе? – говорила княжна

– Что для меня Россия? – отвечал ее кавалер, – страна, где тысячи людей, потому что они богаче меня, будут смотреть на меня с презрением, тогда как здесь – здесь эта толстая шинель не помешала моему знакомству с вами... [Лермонтов, 1962, с. 415].

Именно на Кавказе Толстой впервые задумывается о том, что потом станет романом «Война и мир»: «22 сентября. ... Читал “Историю войны 13 года”. Только лентяй или ни на что не способный человек может говорить, что не нашел занятия. Составить истинную, правдивую историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь. Есть мало эпох в истории, столь поучительных, как эта, и столь мало обсужденных – обсужденных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь историю Египта и Рима. Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное – совершенство. Перед тем, как я задумал писать, мне пришло в голову еще условие красоты, о котором и не думал, – резкость, ясность характеров» [Толстой, 1928–1958, т. 46, с. 141–142].

Чуть дальше в кавказских дневниках Толстого много написано о таком резком, ясном характере, как Епифан Сехин: «2 октября. Любовался на Епишку... Особенный характер» [Толстой, 1928–1958, т. 4, с. 143]. То, что общение с ним было очень значимо для молодого Толстого, подтверждается и следующей записью: «21 октября. Писал мало (? листа). Вообще был целый день не в духе; после обеда помешал Япишка. Но рассказы его удивительны. Очерки Кавказа: 4) Рассказы Япишки: а) об охоте, б) о старом житье казаков, с) о его похождениях в горах» [Толстой, 1928–1958, т. 46, с. 146].

Некоторые детали образа Епишки впоследствии будут введены Толстым в структуру образа Долохова. В частности, это касается важных в контексте социальной маргинализации героя и приближения его к полюсу природы мотива охоты и повествовательных сближений героя с собакой. Например, показательна запись в дневнике писателя от 17–18 ноября 1853 г.: «Кто-то рассказал Епишке, что будто я отдал человека в солдаты за то, что он задушил мою собаку» [Там же, с. 202]. Такой же мотив встречается в черновых редакциях романа «Война и мир», где уже Долохов ставит жизнь собаки куда выше, чем жизнь солдата. В черновиках романа Долохов постоянно появляется в сопровождении собаки, в окончательном же варианте сохраняется только отзыв о нем князя Андрея: «Убить злую собаку очень даже хорошо» [Толстой, 1928–1958, т. 10, с. 110], но звериный контекст образа остается в других определениях. О Епишке сказано: «Жил всю жизнь с собаками, ястребами и прирученным зверьем» [Туниманов, Зверев, 2007, с. 74]. «Собачья» тема созвучна также заметкам в дневнике Толстого от 21 марта 1852 г.: «Приехал Султанов, в восторге от того, что получил собак. Замечательная и оригинальная личность. Ежели у него не было страсти к собакам, он был бы отъявленный мерзавец. Эта страсть более всего согласуется с его натурой» [Толстой, 1928–1958, т. 46, с. 98]. Далее этот Султанов (отметим восточное происхождение самой фамилии) встречается в дневниках только в связи с упоминанием о собаках, а чуть позже Толстой добавляет: «Из собрания недостатков составляется иногда такой неуловимый, но чарующий характер, что он внушает любовь – тоже в известных лицах» [Там же, с. 122].

Ерошка из «Казаков» (прообразом которого стал Епишка – Епифан Сехин) также впервые появляется в тексте в сопровождении собаки, причем себя называет «старым волком» [Толстой, 1928–1958, т. 4, с. 146]. Он тот самый «естественный человек», искренне восхищавший молодого Толстого, всем своим существом соразмерный природе, а не людям: «Дядя Ерошка был огромного роста казак, с седою как лунь широко бородой и такими широкими плечами, что в лесу, где не с кем было сравнить его, он казался невысоким: так соразмерны были его сильные члены» [Там же, с. 24]. Есть в описании Ерошки и свойственная всем персонажам, созвучным Долохову (Яшвину, Турбину) громогласность: «крикнул он на собаку таким залившимся басом, что далеко в лесу отозвалось эхо», «обратился он к казакам без всякого усилия, но так громко, как будто кричал кому-нибудь на другую сторону реки» [Там же, с. 25], «звучный голос старика, раздавшийся в лесу и вниз по реке, вдруг уничтожил ночную тишину и таинственность, окружавшую казака. Как будто светлей и видней стало» [Там же, с. 35], что можно сопоставить с доло-

ховскими характеристиками: «громко, звучно договорил Долохов» [Толстой, 1928–1958, т. 9, с. 141], «крикнул он так, что далеко по комнатам раздался его голос» [Толстой, 1928–1958, т. 10, с. 357].

Связанность Долохова с восточной темой («на Кавказе был, а там бежал, и, говорят, у какого-то владетельного князя был министром в Персии, убил там брата шахова» [Там же, с. 325]), включенность его в жизнь Кавказа для Толстого крайне значима: ни он сам, ни герой «Казачков» Оленин (в некотором смысле повторяющий путь Толстого на Кавказе) гармонии с миром горцев и природы не достигают (хоть переворот внутри них и происходит). Поэтому романтические похождения Долохова, предполагающие свободное взаимодействие с Востоком и его людьми, – очень важная характеристика. Персия в этом контексте обретает несомненно ключевое значение: рассказ о Долохове ведется «на фоне» истории и культуры начала XIX в.: Толстому было прекрасно известно, что из Персии не вернулись Грибоедов и Печорин, Долохову же, по слухам, персидское предприятие явно удалось.

В «Хаджи Мурате», одном из последних «восточных» произведений Толстого, парадигма образа Долохова вновь актуализируется. «Впереди *партера*, в самой середине, облокотившись спиной к рампе, стоял Долохов с огромной,верху зачесанной копной курчавых волос, в *персидском костюме*. Он стоял на самом виду театра, зная, то он *обращает на себя внимание всей залы*» [Там же, с. 325]. «В *партере* появилась *заметная фигура* хромого Хаджи-Мурата в чалме ... *обращая на себя внимание всех зрителей*» [Толстой 1928–1958, т. 35, с. 48]. Оба этих зеркальных эпизода явно демонстрируют инаковость образов, причем связана эта инаковость именно с Востоком. Действие в обоих случаях также не случайно происходит в театре: в образе Долохова ранних редакций «Войны и мира» театральность подчеркивается неоднократно, но Долохов окончательного варианта, как и Хаджи Мурат, – чужд обрядовости театра, который для таких героев – контрастный фон.

Характерные высказывания Долохова обращают нас к типу индивидуализма, обозначенного Толстым как «наполеонический»: «Я никого знать не хочу, кроме тех, кого люблю; но кого я люблю, того люблю так, что жизнь отдам, а остальных передавлю всех, коли станут на дороге» [Толстой, 1928–1958, т. 10, с. 43], «мне что нужно, я просить не стану, сам возьму» [Толстой, 1928–1958, т. 9, с. 148]. Главная идея «Войны и мир», по словам многих исследователей (например, В.Г. Одинокова [Одинокоев, 1978]) – поражение всего такого индивидуализма. Мы видим поражение Наполеона, поражение всего ряда персонажей с ним связанных – Элен, Сперанского, Андрея (раннего периода), но не Долохова – он вне контекста семейного счастья «Войны и мира», он отчужден, он вообще внезапно исчезает со страниц романа и более там не появится – но он не поражен, и победить его нечем. Долохов – выразитель индивидуалистической, романтической, «наполеонической философии», личного подвига, своего Тулона – и при этом он органично и естественно вписывается в жизнь. Разгадка этого противоречия, скорее всего, скрывается в звериности символического ореола Долохова (корнями своими уходящего в Кавказ, так впечатливший Толстого), и – соответственно – в органичности такого естественного индивидуализма.

Литература

Гевель О.Е. Федор Долохов: поэтика образа в романном контексте 1960-х годов // Универсалии Культуры. Красноярск, 2012. Вып. IV: Эстетическая и массовая коммуникация: вопросы теории и практики: монография / Под ред. Н.В. Ковтун, Е.Е. Анисимовой. С. 8–18.

Зайденшнур Э.Е. Фольклор народов Востока в творчестве Л.Н. Толстого // Яснопольский сборник: Статьи и материалы. Тула, 1960. С. 19–39.

- Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М., 2007.
- Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / Изд. подг. Б.М. Эйхенбаум и Э.Э. Найдич. М., 1962.
- Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск, 1978.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958.
- Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971.
- Layton S. Russian Literature and Empire. Conquest of Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, 1994.